

Германо-иранские отношения в политико-военной сфере: невозможность раскрытия потенциала?

В.С. Мирзеханов, Ф.О. Трунов

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН
Институт всеобщей истории РАН

Статья изучает взаимоотношения между Германией и Ираном в политико-военной сфере на современном этапе их развития и на перспективу. Отмечается, что обе страны относятся к категории «восходящих держав», причём ФРГ является единственной таковой среди стран-участниц евроатлантического сообщества. Исследуя контуры двусторонних отношений, авторы обращают внимание на наличие у обеих стран имперского цивилизационного кода, растущих внутривнутриполитических проблем (прежде всего, уменьшения влияния действующих элит), а также общей заинтересованности в углублении торгово-промышленного сотрудничества (принимая во внимание историческую и потенциальную современную роль Германии как технического и технологического модернизатора экономики ИРИ).

Указано, что «иранский фактор» оказывает растущее влияние на политику ФРГ на Ближнем и Среднем Востоке, развитие этой тенденции прослежено на примерах ливанского, сирийского, иракского и йеменского вооружённых конфликтов. В первых трёх случаях ФРГ ограничивает масштаб, характер (фокусируясь исключительно на небоевых формах), географическую зону (избегая глубинных районов стран) использования бундесвера. Одна из ключевых причин этой тактики состоит в стремлении ФРГ уклониться от боевых действий с КСИР и с младшими партнёрами Ирана – «Хезболлой» в Ливане, шиитскими милиционными формированиями на юге Ирака. Официальный Берлин всё более отчётливо осознаёт невозможность обеспечения своего политико-военного присутствия в названных странах без реального учёта иранских интересов. Этим обстоятельством авторы объясняют введение со стороны ФРГ временного оружейного эмбарго для Саудовской Аравии, играющей активную роль в организации интервенции в Йемен для борьбы с проиранскими силами.

Рассматриваются усилия Германии по сохранению иранской «ядерной сделки» (от 14 июля 2015 г.) после выхода из неё администрации Д. Трампа. В этой связи авторы пытаются спрогнозировать вероятную реакцию ФРГ в случае возникновения военно-политического кризиса и, особенно, начала боевых действий против Ирана.

В заключении очерчены контуры перспективных германских целей в отношении Ирана.

Ключевые слова: Германия, Иран, Соглашение о всеобъемлющем плане действий, вооружённые конфликты, Сирия, Ближний Восток

УДК: 327

Поступила в редакцию: 26.03.2020 г.

Принята к публикации: 07.04.2020 г.

Конфликты вооружённые, особенно если они развиваются на территории геополитически и геоэкономически значимых средних и малых государств, а также политические, если они напрямую затрагивают крупных и наиболее влиятельных международных игроков, одним из своих главных свойств имеют тестирование на дееспособность держав и тем более стран, стремящихся обрести данный статус. В 2014-2017 гг. такой ключевой лакмусовой бумажкой был вооружённый конфликт в Сирии, который на Западе рассматривался сквозь призму не только российского, но и в не меньшей степени иранского факторов (Murciano 2017: 1-6).

С рубежа 2017-2018 гг. самым показательным индикатором соответствия статусу державы для ведущих государств мира стали их действия по решению «иранской проблемы». Из частного вопроса – сохранения Соглашения о всеобъемлющем плане действий (СВПД) – она переросла в общий: стремление ряда региональных игроков (прежде всего, Израиля и Королевства Саудовская Аравия) и стран Запада (особенно США) хотя бы остановить, но лучше – повернуть вспять процесс роста влияния Ирана (ИРИ) на Ближнем и Среднем Востоке (БСВ) и в мире в целом. Столь масштабная цель влечёт за собой использование широкого инструментария (включая военный) для её достижения. Есть риск перерастания политического конфликта указанной группы стран с ИРИ в военную фазу с крайне опасными последствиями как для региона, как и международного сообщества в целом.

Иран являет собой пример одной из «восходящих держав». Традиционно этот термин используется для обозначения стран за пределами «коллективного» Запада, демонстрирующих серьёзный рост ресурсной базы и существенное усиление своих позиций на всех уровнях (в том числе глобальном) (Schirm 2010). Сточки зрения авторов, Германия – это единственная «восходящая держава» среди государств евроатлантического сообщества. Обусловлено это тем, что его участники уже длительное время находятся в положении одной из наиболее влиятельных сил мира. Ещё в период «первых изданий» холодной войны¹ среди них чётко сформировалась группа лидеров. Полноценное встраивание в неё ФРГ было связано: во-первых, с объединением страны; во-вторых, в условиях свёртывания холодной войны Германия смогла перенаправить значительные ресурсы с обеспечения территориальной обороны на решение широкого круга задач безопасности вне зоны ответственности Альянса. В 1990-е гг. в условиях распространения евроатлантических структур на Восточную Европу и благодаря активному участию в создании постюгославского политического пространства ФРГ смогла утвердиться в качестве региональной державы. С начала XXI в. Германия стремится к статусу полновесного глобального игрока. Неотъемлемой и притом необходимой составляющей данного процесса стало укрепление по-

¹ Под «первыми изданиями» холодной войны авторы понимают череду хронологически сменявшихся фаз: 1946-1957 гг., 1958 – конца 1960-х гг., конца 1960-х – 1979 гг., 1979-1987 гг. и, наконец, завершение в конце 1980-х гг.

литико-военных позиций страны в регионе БСВ. Исключительную значимость это положение приобрело в середине – второй половине 2010-х гг. в условиях резкого увеличения исходивших от конфликтогенных стран региона угроз и рисков нестабильности для ФРГ и её партнёров по НАТО. Иллюстрацией тому стали миграционный кризис 2015-2016 гг. и тесно связанный с ним рост террористической опасности в государствах-членах ЕС.

В свою очередь, Иран уверенно движется по пути превращения во влиятельного игрока в регионе БСВ, конкурирующего с существующими (Израиль, Саудовская Аравия, Египет). В этой связи возникает вопрос: каково настоящее и будущее соотношение компонентов «конкуренция – кооперация» в отношениях ФРГ и ИРИ? Задача данной статьи – изучить состояние и перспективы германо-иранских отношений в политико-военной сфере, учитывая её значимость и чувствительность. Методами исследования избраны, во-первых, ивент-анализ наиболее значимых шагов каждой из сторон в политико-военной сфере, оказывающей прямое или опосредованное на партнёра (в частности, эмбарго на экспорт вооружений и военной техники в третьи страны). Во-вторых, это компаративный анализ при сопоставлении подходов ФРГ и ИРИ к решению конкретных проблем региона БСВ.

Исследуемой тематике в научных работах источниках уделялось недостаточное внимание. Прежде всего, это объясняется фокусированием на действиях США (Schaller 2018: 21-23), в меньшей степени Франции, Великобритании и ЕС, что объяснимо, если учитывать масштаб и последствия их активности, в том числе собственно военной, в отношении Ирана или в связи с развитием обстановки вокруг него. Имеются исследования о развитии ракетного арсенала Ирана (Arnold, Meier 2019). Между тем тактика ФРГ в отношении ИРИ находилась, особенно до рубежа 2018-2019 гг., в значительной степени в тени.

Можно выделить три основных подхода немецких исследователей к видению германо-иранских отношений. Первый основан на представлении об ИРИ как о безусловном оппоненте ФРГ, выстраивающем свою, входящую в полное противоречие с интересами официального Берлина, архитектуру безопасности в регионе: подразумеваются поддержка «Хезболлы» в Ливане, кооперация с хуситским движением в Йемене, тесное сотрудничество с шиитскими силами на юге Ирака и особенно в Сирии, где активно использовались иранские войска (прежде всего, части Корпуса стражей исламской революции (КСИР)). Сторонники этого подхода выступают за «выдавливание» Ирана с занимаемых позиций и минимизацию контактов с ним (Leemhuis 2018: 2-5).

Второй подход охарактеризуем как «сдержанный». В фокусе его внимания находится необходимость сохранения СВПД и поддержка усилий, направленных на недопущение начала боевых действий против Ирана (Lohmann 2015; Brustlein et al. 2018: 1-2; Perthors 2019: 64). Официальному Берлину при таком подходе отводят роль посредника в налаживании контактов Ирана с группой государств – его жёстких оппонентов. При этом посреднические функции мыс-

лятся не только применительно к СВПД, но по широкой региональной повестке дня, включая спектр вооружённых конфликтов (Murciano 2017: 8; Wimmen 2016: 8). Следуя этому курсу, Германия могла бы достичь сразу двух целей: снизить градус конфликта вокруг Ирана (исключив риск его перерастания в военную фазу) и купировать укрепление позиций Исламской Республики на БСВ.

Наконец, просматривается и третий подход, ориентированный на углубление кооперации ФРГ и ИРИ (Azizi 2020: 2-3). Правда, сфера сотрудничества секторально ограничена промышленно-торговой (притом не очерчивая перспектив в военно-технического взаимодействия), а из политических вопросов – СВПД². Этот подход был востребован прежде всего в 2015-2017 гг., т.е. в короткий период казавшейся успешной имплементации «ядерной сделки». В последующем, в условиях растущего санкционного давления на ИРИ со стороны США вкупе с ростом военно-политической напряжённости вокруг Ирана, этот подход стал постепенно размываться.

Общие контуры взаимодействия: исторические, внутривнутриполитические и экономические аспекты

Помимо принадлежности к категории «восходящих держав», к общим для ФРГ и ИРИ знаменателям следует отнести: наличие имперского цивилизационного кода, серьёзных внутривнутриполитических проблем и растущего внешнего давления – уже на современном этапе развития.

Имперский цивилизационный код начал формироваться в Персии (Иране³) ещё в эпоху Ахеменидов (с середины VI в. до н.э.), а в Германии – с существования Первого рейха (Священной римской империи германской нации, основанной в 962 г. н.э.). Обе страны неоднократно переживали исторические фазы мощного роста ресурсной базы и влияния, превращаясь в сильнейшую (одну из сильнейших) держав на Ближнем и Среднем Востоке и в Европе соответственно. Этот признак, помноженный на нынешнее укрепление позиций обеих стран, свидетельствует о наличии стратегических перспектив для конкуренции двух государств.

Второй общий знаменатель – наличие внутривнутриполитических проблем – проявляется, прежде всего, в снижении доверия масс не только к действующему руководству, но к властным элитам в целом. Так, на выборах в Бундестаг (24 сентября 2017 г.) ведущие («народные») партии – блок ХДС/ХСС и СДПГ – продемонстрировали наихудший результат в истории ФРГ, набрав соответственно менее 32,9% и 20,5% голосов избирателей. Это итог постепенного, но неуклонного (с середины 1980-х гг.) снижения электоральной поддержки демох-

² Deutsch-iranische Beziehungen. Dossier. 2019. *Iran Journal*. Электронный ресурс: <http://iranjournal.org/deutsch-iranische-beziehungen> (accessed 10.05.2020).

³ До 1935 г. Иран официально именовался Персией.

ристиан и социал-демократов в пользу вновь поднимающихся сил на крайних флангах партийно-политического ландшафта современной Германии – особенно на правом («Альтернатива для Германии»). Впервые в политической истории ФРГ при формировании нового правительства возник более чем полугодовой (с конца сентября 2017 г. по начало марта 2018 г.) кризис, а в конце октября 2018 г. А. Меркель, «супертяжеловес» германской политики, заявила об отказе выдвигать свою кандидатуру на пост канцлера на грядущих выборах. Эти обстоятельства свидетельствуют о сокращении пространства для внешнеполитического маневрирования действующей элиты, и, соответственно, о желательности скорейшего невоенного урегулирования «иранского вопроса» и максимально полной (особенно де-юре) роли ФРГ в нём.

Но и Иран к кооперации с Германией подталкивает рост внутренней напряжённости. Президентские выборы 19 мая 2017 г. закончились победой действующего президента Х. Роухани в первом туре, однако успеха удалось добиться лишь с небольшим перевесом (57,14% в поддержку)⁴. Со второй половины 2018 г. в условиях вновь возникшего и растущего санкционного давления со стороны США в Исламской Республике стало расти число беспорядков, в том числе разгоняемых силовыми структурами⁵. По сравнению с Германией, иранские элиты располагают преимуществом благодаря исключительно высокой легитимности фигуры аятоллы, играющего ключевую роль в сплочении населения страны.

Наконец, третий общий знаменатель для ИРИ и ФРГ: обе страны стали объектами применения рестриктивных мер со стороны США. Сам факт масштабного многовекторного демонстративного давления на Германию (особенно на правительство и бизнес-структуры) со стороны Белого дома характеризует новое, существенное охлаждение трансатлантических отношений. Иллюстративно и одностороннее решение администрации Д. Трампа о выходе из СВПД (от 8 мая 2018 г.), рассматривавшееся его предшественником в качестве крупного внешнеполитического успеха. Фактор санкционного давления содействует сближению ФРГ и ИРИ. Однако следует подчеркнуть несоизмеримость масштабов вводимых санкций в отношении Германии (прежде всего, за попытки нормализации экономического сотрудничества с Россией и Ираном) и Ирана.

Ещё при шахском режиме – в период «белой революции» в 1963-1979 гг. – ФРГ сыграла ключевую роль одного из основных внешних акторов модернизации иранской экономики. Как ни парадоксально покажется на первый взгляд, после Исламской революции, несмотря на резкий пересмотр внешнеполитического курса, индустриальный сектор Исламской Республики работал на оборудовании и с использованием технологий, поставленных Западной Германией. По оценкам МИД ФРГ, к концу 2010-х гг. до 30% производственного оснаще-

⁴ Deutsch-iranische Beziehungen. Dossier. 2019. *Iran Journal*. Электронный ресурс: <http://iranjournal.org/deutsch-iranische-beziehungen> (accessed 10.05.2020).

⁵ Ibid.

ния реального сектора иранской экономики составляло германское оборудование⁶. Участие в модернизации реального сектора экономики и возможность привлечь новые технологии составляют важную компоненту интереса к сотрудничеству с Германией со стороны Ирана. В свою очередь, немецкий бизнес, поддерживаемый правительством, весьма заинтересован в проникновении на ёмкий внутренний рынок ИРИ с его более чем 80-миллионным населением. В 2016-2017 гг. в двусторонних торгово-экономических отношениях начался бум⁷. Поэтапный ввод прямых санкций США в отношении Ирана (7 августа и 5 ноября 2018 г., 2 мая 2019 г.) и угроза их применения в отношении германского бизнеса (по образцу закона CAATS), включившегося в торгово-экономический обмен с Исламской Республикой, привели к лавинообразному спаду двустороннего сотрудничества: в 2018 г. товарооборот внешней торговли сократился на 7% по сравнению с предыдущим годом (до 3,15 млрд евро), а в первом квартале 2019 г. – вдвое по сравнению с аналогичным периодом 2018 г.⁸. На этом фоне обострился вопрос сохранения и углубления кооперации в политико-военной сфере, ограничителями которой выступают разногласия сторон по вооружённым конфликтам в регионе.

«Ливанская проблема» в германо-иранских отношениях

С 2006 г., после завершения «33-дневной войны» между Израилем и движением «Хезболла», ФРГ участвует в обеспечении мира и порядка в Ливане и прибрежных водах, в том числе посредством использования бундесвера. Германский контингент (изначальный «потолок» в 2,4 тыс. военнослужащих) входит в состав миссии *UNIFIL* (ВСООНЛ) с ключевым политическим целеполаганием оказания помощью официальному Бейруту и недопущения новых столкновений сторон конфликта⁹. С одной стороны, эти действия уместно рассматривать в качестве недружественных по отношению к «Хезболле». С другой – не следует преувеличивать степень этой недружественности; необходимо отметить принцип взвешенности (граничащей с осторожностью) как ключевую составляющую германского участия в урегулировании конфликта. В собственно военном плане этот принцип реализовался, во-первых, в фокусировании ФРГ на военно-морской компоненте деятельности *UNIFIL*. Немецкий контингент контролировал снятие установленной израильскими ВМС морской блокады Ливана, в дальнейшем – обеспечение безопасности гражданских судов, следующих в ливанские порты, а также занимался укреплением потенциала войск бе-

⁶ Deutschland und Iran: bilaterale Beziehungen. Stand. 25.06.2019. Электронный ресурс: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/ausenpolitik/laender/iran-node/bilateral/202402> (accessed 10.05.2020).

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Antrag der Bundesregierung. Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der United Nations Interim Force in Lebanon (UNIFIL). Deutscher Bundestag, 16. Wahlperiode. Drucksache 16/2572, 13.09.2006. 8 S.

реговой охраны и флота Бейрута. В отличие от глубинных районов Ливана (где бундесвер практически не задействован), на море и в прибрежной зоне позиции «Хезболлы» были слабыми, что минимизировало риск столкновений с ней. Во-вторых, уже к 2011 г. ФРГ резко (до 300 военнослужащих) сократила «потолок» своего контингента в составе UNIFIL¹⁰, что, вкупе с сосредоточением усилий на море, должно было устранить у ливанцев ощущение масштабного иностранного военного присутствия.

В общеполитическом плане принцип взвешенности просматривался в готовности поддерживать отношения со всеми сколько-нибудь влиятельными внутриполитическими силами, включая «Хезболлу». Берлин приветствовал создание правительства национального единства (в состав которого вошли представители «Хезболлы») под руководством С. Харири¹¹. При этом де-факто взаимодействие с «Хезболлой» носило ограниченный и скорее вынужденный характер, а главными контрагентами Германии были политические и бизнес-круги, выражавшие интересы христианского и отчасти суннитского населения. После распада этого правительства (2011 г.) из опасения втянуться в нараставшие внутренние распри ФРГ резко снизила степень своего участия (как с финансовой точки зрения, так и по численности личного состава) в обеспечении мира и порядка в Ливане.

С началом гражданской войны в Сирии (с 2011 г.) главные силы «Хезболлы» передислоцировались на сирийскую территорию, активно поддерживая официальный Дамаск. Поскольку «Хезболла» боролась с поддерживаемой ФРГ «умеренной» оппозицией, эта ситуация противоречила германским интересам, но, как ни парадоксально, она была выгодна в кратко- и среднесрочной перспективе. Во-первых, внося весомый вклад в борьбу со структурами международного терроризма (прежде всего, «Исламским государством»¹² и «Джебхат Ан-Нусрой»), «Хезболла» уменьшала риски проникновения в ЕС боевиков и нарастания масштабов миграции в целом. Во-вторых, переброска бойцов движения в Сирии вела к временному ослаблению его позиций в Ливане, в этом отношении облегчая углубление контактов ФРГ и официального Бейрута. В октябре 2016 г. к своим полномочиям приступил президент М. Аун, а парламентские выборы (мая 2018 г.), состоявшиеся впервые с 2009 г., обеспечили возвращение к власти С. Харири, который стал председателем нового коалиционного правительства. Оба политика, как показала практика, занимают дружественную позицию по отношению к ФРГ¹³. Ситуация может качественно измениться после

¹⁰ Ibid, S. 2-3.

¹¹ *Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der United Nations Interim Force in Lebanon (UNIFIL)*. Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/1905, 02.06.2010. S. 3.

¹² Запрещённая в России террористическая организация.

¹³ *Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der „United Nations Interim Force in Lebanon“ (UNIFIL)*. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/2383, 30.05.2018. S. 5.

возвращения в Ливан основных сил «Хезболлы», что весьма вероятно в условиях постепенного затухания боевых действий в Сирии. Учитывая растущую значимость ливанского вектора во внешнеполитической деятельности и планировании ФРГ, будет расти и интерес к нормализации отношений с «Хезболлой» – в том числе, через официальный Тегеран.

Сирийское и иракское направления: опосредованная борьба без возможного учёта интересов?

По мере развития вооружённого конфликта в САР (с 2011 г.) подходы ФРГ и ИРИ к его урегулированию стали всё более различаться.

Германская сторона избрала курс на последовательную поддержку политико-дипломатическим и экономическим инструментарием «умеренной» оппозиции. В частности, через механизм «Группы друзей Сирии» (ГДС), особенно в 2012-2014 гг. и по двусторонним каналам; в частности, ГДС занималась дискредитацией июньских 2014 г. президентских выборов в САР, завершившихся убедительной победой Б. Асада. В 2016 г. в Берлине было открыто и стало полноценно функционировать Контактное бюро Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил (т.е. политической платформы «умеренной» оппозиции), де-факто выполнявшее функции посольства¹⁴. При этом ФРГ последовательно отказывалась от предоставления значительной военной помощи «умеренной» оппозиции.

До 2016 г. бундесвер не использовался на сирийском театре военных действий. С декабря 2015 г. Германия присоединилась ко II западной антитеррористической коалиции (создана в сентябре 2014 г. по инициативе США для борьбы с ИГ) не только в политическом, но и военном отношении. Правда, бундесвер ограничился «разгрузкой» своих партнёров – прежде всего, Франции – как на сирийском (ведение воздушной и космической разведки, заправка топливом, охрана), так и на иракском театрах военных действий¹⁵. Сверх того, в Ираке была развёрнута военно-тренировочная миссия (до 2018 г. действовавшая де-юре отдельно от II западной коалиции), в штабные структуры которой была направлены офицеры¹⁶. Иными словами, германские военные не были задействованы ни в собственно боевой, ни, что особенно важно, в назем-

¹⁴ Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten U. Jellpke, Dr. A. Hahn, G. Akbulut, weiterer Abgeordneter und der Fraktion DIE LINKE. – Drucksache 19/6817 – Unterstützung der Nationalkoalition syrischer Revolutions- und Oppositionskräfte (ETILAF) durch die Bundesregierung. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/7562, 06.02.2019. S. 1-2.

¹⁵ Одновременное наступление «Исламского государства» в Ираке и Сирии, несмотря на первоначальную несхожесть вооружённых конфликтов на их территории, позволяет с рубежа 2014 г. говорить о едином сирийско-иракском конфликте.

¹⁶ Rede von Ursula von der Leyen. Plenarprotokoll 18/142. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Stenografischer Bericht 142. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 2. Dezember 2015. S. 13876C-13877A.

ной деятельности¹⁷ (включая миротворческую составляющую). Группировка ВВС ФРГ первоначально дислоцировалась на авиабазе НАТО «Инджирлик» в Турции, а в июне – августе 2017 г. вследствие ухудшения отношений с турецкой стороной самолёты были перебазированы в Иорданию, на аэродром «Аль-Ашрак»¹⁸. Таким образом, германские военные в составе II коалиции базировались вне территории САР и Ирака, что, с точки зрения авторов, также отражает принцип взвешенности в политике ФРГ. Приверженность этому принципу во многом обусловлена стремлением избежать даже случайных военных столкновений с силами коалиции РФ – Дамаска – ИРИ.

В окончательном виде эта коалиция оформилась 30 сентября 2015 г., когда Россия приняла решение о начале боевой операции по разгрому террористических структур на территории САР. РФ приняла основную нагрузку при осуществлении военно-воздушной составляющей операции, а сирийские правительственные войска, КСИР и дружественные ему силы (в частности, «Хезболла») – наземной. ИРИ придерживалась последовательного и логичного курса на поддержку Дамаска, «ядро» сил которого составляли бойцы-алавиты. В отличие от ФРГ, Иран оказывал своему союзнику в Сирии регулярную и активную прямую, хотя и не афишируемую, военную помощь.

Показателен параллелизм действий обеих антитеррористических коалиций (II западной и РФ – Дамаска – ИРИ) при совершенно несоизмеримой их эффективности. Если западная не смогла самостоятельно даже приостановить наступление ИГ, спровоцировавшее массовый приток беженцев в ЕС, то вторая, действуя в основном в Сирии, в результате ряда последовательных операций 2015-2018 гг. нанесла поражение ИГ. Ослабление сил «Исламского государства» на территории САР привело к переброске туда резервов из Ирака, позволив местным курдам, правительственным войскам и поддерживающих их силам II западной коалиции с осени 2016 г. перейти в наступление.

Как и в случае с «Хезболлой», только в несоизмеримо большем масштабе, с одной стороны, действия ИРИ, будучи направлены на ослабление позиций «умеренной» оппозиции, противоречили германским интересам. В этой связи показательна мощная информационная кампания в декабре 2016 г., организованная МИД ФРГ и лично Ф.-В. Штайнмайером, с обвинениями Ирана, России и официального Дамаска в создании гуманитарной катастрофы в районе Алеппо из-за затягивания штурма города¹⁹. При этом игнорировались усилия

¹⁷ По неофициальным источникам, в июне 2016 г. подразделения германского спецназа (численностью от взвода до роты) в районе Алеппо (Сирия) участвовали в операции по поддержке «умеренной» оппозиции, а в ноябре – декабре 2016 г. обеспечивали наступление правительственных иракских войск на Мосул. В обоих случаях Берлин категорически отрицал выходящее за рамки мандата Бундестага боевое использование немецких военных.

¹⁸ *Parlamentsbeteiligung beim Abzug der Bundeswehr aus Incirlik*. Deutscher Bundestag: Wissenschaftliche Dienste. WD 2 - 3000 - 056/17. 8. Juni 2017. S. 1-2.

¹⁹ *Außenminister Steinmeier zu Ost-Aleppo: Blockaden der Evakuierung umgehend beenden*. 16.12.2016. Электронный ресурс: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Meldungen/2016/161217_BM_Ost_Aleppo.html (accessed 10.05.2020).

(особенно РФ) по скорейшему выводу мирных жителей из зоны боёв и сдаче в плен боевиков. В реальности своими дипломатическими шагами Берлин стремился спасти от разгрома остатки сосредоточенных в Алеппо военизированных формирований «умеренной» оппозиции. С другой стороны, действия Ирана вносили огромный вклад в обеспечение безопасности ФРГ, приводя к резкому снижению масштаба террористической и миграционной угроз.

Достигнутые коалицией РФ–правительства САР–ИРИ военные результаты, помноженные на политические успехи треугольника Турция – Россия – Иран в области сирийского урегулирования в 2018-2019 гг., привели ФРГ к осознанию необходимости поиска договорённостей с вершинами этого треугольника. Берлин избрал путь переговоров с каждой из них по отдельности. В случае Ирана обсуждение сирийской тематики осуществлялось, во-первых, в рамках ежеквартальных встреч формата Е3 (Великобритания, Франция и Германия) с Ираном по сохранению СВПД. Во-вторых, во время двусторонних встреч на высоком уровне – прежде всего, в ходе визита главы МИД ФРГ Х. Мааса в ИРИ 10 июня 2019 г.²⁰. Каковы возможные контуры сделки по Сирии между двумя сторонами? Для официального Берлина во всех отношениях, включая имиджевое, важно обеспечить встраивание на постоянной основе представителей «умеренной» оппозиции в политические структуры Сирии (в сегментарном виде). Кроме того, очевидна выгода стабилизации САР с точки зрения безопасности ФРГ и её партнёров по ЕС. В свою очередь, Германия могла бы, во-первых, принять весомое участие в социально-экономическом восстановлении Сирии, а во-вторых, пойти на восстановление замороженных отношений с официальным Дамаском, и, что, не менее важно, принять (или как минимум не критиковать) факт долгосрочного военного присутствия Ирана на сирийской территории. Германия уже демонстрирует интерес не только к сохранению СВПД, но и учёту интересов Ирана и по иным пунктам региональной повестки дня – в частности, по иракскому и йеменскому.

Официальный Берлин всё более внимательно учитывает фактор присутствия Ирана и на иракском направлении. 15 мая 2019 г. федеральное правительство в согласии с Бундестагом приняло решение о приостановке деятельности германской военно-тренировочной миссии (160 военнослужащих)²¹, функционировавшей с декабря 2014 г. Миссия была нацелена на параллельное обучение правительственных иракских войск (комплектуемых в основном в «суннитском треугольнике») и курдских пешмерга с поставкой вооружений и предметов военного снабжения. Чем обусловлен неожиданный на первый взгляд вывод военных советников при наличии действующего мандата? Во-

²⁰ Maas im Iran. "Wir bemühen uns nach Kräften". 10.06.2019. Электронный ресурс: <https://www.tagesschau.de/ausland/maas-iran-117.html> (accessed 10.05.2020).

²¹ Bundeswehr unterbricht Irak-Einsatz. 15.05.2019. Электронный ресурс: <https://www.tagesschau.de/ausland/bundeswehr-irak-131.html> (accessed 10.05.2020).

первых, перегруппировкой к новому наступлению сил ИГ на иракской территории. Эту угрозу, а, следовательно, и эфемерность своих успехов в Ираке официально признал Вашингтон, частично эвакуировав из Багдада персонал посольства США и призвав к аналогичным мерам ФРГ²². Во-вторых, новым углублением противоречий между иракским Курдистаном (власти которого 25 сентября 2017 г. провели референдум о независимости, не признанный ни одним государством в мире) и официальным Багдадом. После этого Германия существенно сократила военную помощь пешмерга, небезосновательно опасаясь критики в косвенной поддержке курдского сепаратизма. Наконец, в-третьих, весьма значимой причиной был риск боевых столкновений между правительственными иракскими войсками (поддерживаемыми ФРГ и её партнёрами по II западной антитеррористической коалиции) и шиитскими военизированными формированиями на юге Ирака, действующими под патронатом Ирана. Эти стычки могли быть использованы как повод для резкого усиления военного давления на Иран, организуемого группой стран во главе с США, Саудовской Аравией и Израилем.

«Йеменский вопрос»: эволюция германского прочтения

В 2015 г. началась интервенция группы государств с участием большинства монархий ССАГПЗ во главе с Саудовской Аравией в Йемен для борьбы с мощным движением хуситов (шиитов), получавшим неофициальную помощь от Ирана. Берлин постарался остаться над схваткой: он не стал оказывать активной политической поддержки де-факто свергнутому и эмигрировавшему в Саудовскую Аравию йеменскому президенту А.Р.М. Хади, при этом проявляя на первых этапах боевых действий (в 2015-2017 гг.) сдержанность в вопросах использования силы антихуситской коалицией. В середине 2010-х гг. позиция Германии характеризовалась существенно большим в сравнении с другими западными странами учётом интересов Ирана. Почему? Йеменский вооружённый конфликт, как никакой другой на Ближнем и Среднем Востоке, Берлин рассматривал в качестве одной из компонент малой «холодной войны» между ИРИ и КСА (Leemhuis 2018: 2-3). Соответственно, просаудовская позиция не просто резко сузила бы возможности вести конструктивный диалог с Ираном, но трактовалась бы Эр-Риядом как поддержка в борьбе с ИРИ, способствуя эскалации напряжённости. На предотвращение или как минимум уменьшение напряжённости и направляла свои усилия Германия.

В ходе визитов тогдашнего министра иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайера (апрель 2016 г.) и канцлера А. Меркель (апрель 2017 г.) в Эр-Рияд немецкая сторона неизменно подчёркивала свою приверженность исключительно

²² Ibid.

политическому урегулированию йеменского вооружённого конфликта, призывая Саудовскую Аравию к скорейшему выводу своей группировки войск из Йемена и к максимальной сдержанности в отношении Ирана²³. Взамен предлагалась и в основном реализовывалась схема многотрекового продвинутого сотрудничества, включая поставки широкой номенклатуры германских вооружений и военной техники саудитам²⁴. По «йеменскому вопросу» в 2015-2017 гг. ФРГ оказывала на КСА лишь дипломатическое влияние. Ситуация качественно изменилась к сентябрю 2018 г., когда Берлин ввёл полугодовое эмбарго на поставки вооружений в КСА, а в апреле 2019 г. продлил его²⁵. И хотя де-факто – через дочерние фирмы, в-третьих, странах – часть заказанных ранее вооружений в Саудовскую Аравию поступила, военно-техническому сотрудничеству был нанесён существенный урон как в физическом выражении, так и имиджевом. Чем было обусловлено введение эмбарго, на которое не пошли остальные западные державы (США, Великобритания, Франция)? Безусловно, в германо-саудовских отношениях накопился широкий спектр «раздражителей» (иницирование КСА дипломатического кризиса вокруг Катара в июне 2017 г., убийство саудовского журналиста Дж. Кашогги на территории генконсульства КСА в Стамбуле в октябре 2018 г.). Однако самым весомым из них следует признать действия группировки войск КСА в Йемене. Во-первых, они стали представлять серьёзную опасность в условиях выхода США из СВПД (8 мая 2018 г.). Активно включившись в растущее силовое давление Белого дома на Иран, Саудовская Аравия могла пойти на расширение своего присутствия в Йемене, а также на осуществление прямых инцидентов с участием ИРИ. Во-вторых, самим фактом своей интервенции Саудовская Аравия в полной мере несла ответственность за провоцирование хуситов к ответным ударам по своей территории. К весне 2019 г. эта угроза стала реальностью, что показали атаки на НПЗ Королевства 15 сентября 2019 г., ответственность за которые взяли на себя хуситы. Соответственно, сохранение военной вовлечённости КСА во внутрийеменский конфликт таило в себе резко возросший риск расширения военного давления и начала боевых действий против ИРИ. Приостановив поставки вооружений официальному Эр-Рияду, правительство ФРГ стремилось, во-первых, сохранить СВПД. Во-вторых – не допустить эскалации напряжённости или как минимум снять с себя косвенную ответственность за этот процесс. Введением и продлением эмбарго на поставки вооружений официальный Берлин отправлял своему партнёру отчётливый сигнал о неприемлемости новых жёстких, особенно силовых, мер прямого и косвенного давления на Иран.

²³ Angela Merkel in Saudi-Arabien: Bundeswehr soll saudisches Militär ausbilden. 30.04.2017. Электронный ресурс: <https://m.tagesspiegel.de/politik/angela-merkel-in-saudi-arabien-bundeswehr-soll-saudisches-militaer-ausbilden/19738430.html> (accessed 10.05.2020).

²⁴ Ibid.

²⁵ Deutschland verlängert Waffenembargo gegen Saudi-Arabien. 12.04.2019. Электронный ресурс: <https://www.hrw.org/de/news/2019/04/12/deutschland-verlaengert-waffenembargo-gegen-saudi-arabien> (accessed 10.05.2020).

Позиция Германии: от сохранения СВПД к недопущению военного конфликта вокруг Ирана

С 2006 г. ФРГ участвовала в переговорном процессе с ИРИ, направленном на недопущение появления у этой страны ядерного оружия, при этом действуя в составе ЕЗ, т.е. «евротройки», наряду с Великобританией и Францией. Примечательно, что большинство стран-участниц иранской «шестёрки» (прежде всего, РФ и США) использовали для обозначения её состава формулу «5+1», т.е. пять легальных ядерных держав-постоянных членов Совета Безопасности ООН и ФРГ. Официальный Берлин придерживался формулы «ЕЗ+3» (т.е. «евротройка» + США, РФ и КНР), тем самым не только нивелируя свой статус страны, не имеющей ОМП и постоянного членства в СБ ООН, но и оттеняя роль игроков вне ЕС (прежде всего, РФ). Исключительный интерес Германии к недопущению появления у Ирана ОМП объяснялся не только собственно аспектами безопасности, но и имиджевыми соображениями. В соответствии с Договором об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. объединённая ФРГ приняла на себя обязательство по отказу от владения, производства и распоряжения биологическим, химическим и атомным оружием²⁶. Соответственно, неотъемлемой частью внешней политики Германии, стремящейся достичь положения полновесного глобального игрока, становилось недопущение создания ОМУ/ОМП странами, не входящими в клуб легальных ядерных держав. Во время заключения СВПД (14 июля 2015 г.) германские СМИ подчёркивали исключительно весомый вклад в подписание договора тогдашнего главы МИД ФРГ Ф.-В. Штайнмайера: его называли архитектором «ядерной сделки»²⁷.

Берлин придавал особую важность сохранению в силе Соглашения о всеобъемлющем плане действий (2015); к этому призывала канцлер А. Меркель в ходе своих немногочисленных прямых политических контактов с Д. Трампом. В ответ на выход администрации президента США из СВПД (8 мая 2018 г.) германская сторона заявила о реализации мер по сохранению договора²⁸. Серьёзным успехом немецкой дипломатии стало сохранение по данному вопросу консенсуса ЕЗ, включая Великобританию – несмотря на фактор Брекзита. При активной и по сути направляющей роли ФРГ ежеквартально стали происходить встречи в формате «ЕЗ+1» по обсуждению хода имплементации СВПД. Значимы были и совместные заявления стран «евротройки» в поддержку сохранения «ядерной сделки» – таковое, в частности, было сделано 14 июля 2019 г., т.е. в

²⁶ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. 1994. *Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации*. Выпуск XLVII. Москва: Международные отношения. С. 34-37.

²⁷ Deutschland und Iran: Durch gute und schlechte Zeiten. 9.05.2019. Электронный ресурс: <https://www.dw.com/de/deutschland-und-iran-durch-gute-und-schlechte-zeiten/a-48676496> (accessed 10.05.2020).

²⁸ Deutschland und Iran: bilaterale Beziehungen. Stand: 25.06.2019. Электронный ресурс: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/ausienpolitik/laender/iran-node/bilateral/202402> (accessed 10.05.2020).

пятую годовщину заключения СВПД, и содержало критику действий администрации Д. Трампа²⁹.

10 июня 2019 г. демонстративный визит в Иран совершил глава МИД ФРГ Х. Маас; его закрытые переговоры с иранским коллегой М. Дж. Зарифом продолжались более двух часов. На пресс-конференции Х. Маас употребил эмоциональное выражение «мы стараемся изо всех сил»³⁰, обозначив активные попытки ФРГ по снятию санкций США, больно ударяющих в по широким слоям населения Ирана³¹. По всей видимости, именно в ходе этих переговоров Зариф был приглашён на саммит G7 в Биаррице (24-26 августа 2019 г.). Это решение германо-французского тандема оказалось во многом неожиданным для администрации Д. Трампа и было достаточно редким для встреч «Большой семёрки», показывая то внимание, которое ФРГ и Франция уделяли «иранскому вопросу». Несколько ранее, в июле 2019 г., Х. Маас обозначил инициативу по развёртыванию монито-ринговой миссии стран-участниц ЕЗ (под эгидой ЕС) с целью недопущения инцидентов, в том числе военно-силового характера, в зоне Персидского залива³².

Исходя из изложенных фактов, не следует рассматривать германскую позицию как сугубо проиранскую. ФРГ последовательно, даже в период краткой фазы резкого подъёма торгово-экономического сотрудничества, отказывалась от поставок Ирану ВиВТ. Вслед за США, Великобританией и Францией Германия возложила на Тегеран ответственность за налёт дронов на НПЗ Саудовской Аравии 14 сентября 2019 г. (ответственность взяли на себя йеменские хуситы), осудив эти действия³³. С одной стороны, ФРГ не стала ужесточать свою линию по Ирану, вновь призвав к интенсификации переговоров³⁴. С другой стороны, не последовало сколько-нибудь существенной реакции Берлина ни на взрыв на иранском танкере в Красном море, ни на решение США увеличить своё военное присутствие на территории КСА³⁵ (отметим, оба события произошли одновременно, 11-12 октября 2019 г.).

Следовательно, ФРГ стремится держать дистанцию как от Ирана, так и его оппонентов.

²⁹ E3 statement on the Joint Comprehensive Plan of Action: 14 July. Pressemitteilung 14.07.2019. Электронный ресурс: <https://teheran.diplo.de/ir-de/aktuelles/-/2233350> (accessed 10.05.2020).

³⁰ Maas im Iran. "Wir bemühen uns nach Kräften". 10.06.2019. Электронный ресурс: <https://www.tagesschau.de/ausland/maas-iran-117.html> (accessed 10.05.2020).

³¹ Wiener Nuklearvereinbarung erhalten: Außenminister Maas in Teheran. 10.06.2019. Электронный ресурс: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/iran-node/maas-teheran/2225052> (accessed 10.05.2020).

³² „Chancen für die Diplomatie offenhalten“. Außenminister Heiko Maas sagte gegenüber der Funke-Mediengruppe zur Lage am Persischen Golf. Interview. 27.07.2019. Электронный ресурс: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-funke/2235780> (accessed 10.05.2020).

³³ Auch Deutschland macht Iran verantwortlich. 24.09.2019. Электронный ресурс: <https://www.tagesschau.de/ausland/angriffe-oelanlagen-101.html> (accessed 10.05.2020).

³⁴ Ibid.

³⁵ US to deploy 3,000 additional troops to Saudi Arabia. 11.10.2018. Электронный ресурс: <https://www.aljazeera.com/news/2019/10/deploy-large-number-forces-saudi-arabia-report-191011160852019.html> (accessed 10.05.2020).

Ключевой вопрос состоит в следующем: какую позицию займёт Германия в случае перерастания политического конфликта вокруг ИРИ в военно-политический кризис, и тем более, в случае начала войны – как ограниченной, так и широкомасштабной? Возможность использования в этой войне бундесвера равна нулю, на что указывает не только линия ФРГ на иранском направлении, но и её подход к использованию военно-политического инструментария на БСВ в целом, основанный на принципе «стратегической сдержанности». Практически исключено оказание прямой политической поддержки; стремится к нулю и вероятность предоставления опосредованной помощи (как политико-дипломатической, так и военной).

Для ФРГ «выключение» ИРИ как влиятельного игрока из региональной подсистемы БСВ, осуществлённое в полном объёме только военно-силовыми средствами, несоизмеримо невыгоднее, чем все издержки, связанные с укреплением позиций официального Тегерана, что обусловлено следующими причинами.

Практически в прямо пропорциональной зависимости от масштаба боевых действий против Ирана находится рост нестабильности на Ближнем и Среднем Востоке. Начало войны заставит официальный Тегеран или нарастить объёмы использования КСИР в Сирии и поддержку шиитских сил в Ливане, САР, Ираке и Йемене (в случае ограниченной или неудачно развёртывающейся широкомасштабной войны), или, наоборот, частично/полностью вывести КСИР и свернуть/сократить помощь. При первом сценарии зона активных боевых действий выйдет далеко за границы Ирана, приведя к «размораживанию» арабо-израильского конфликта и новому витку вооружённой борьбы во всех остальных случаях. Для ФРГ это будет означать паралич практически всей её политико-военной и отчасти экономической активности на БСВ, что продемонстрирует несоответствие её возможностей и амбициозных целей. Столь же неприятна вероятность мощного миграционного кризиса, вновь ставящего ФРГ и её партнёров по ЕС в оборонительное положение. Его потенциальная возможность и масштаб ещё выше при втором сценарии, т.е. при уходе Ирана из зон вооружённых конфликтов. В них (особенно в Ираке и Сирии) вновь быстрыми темпами пойдёт восстановление структур международного терроризма, ключевую роль в поражении которых до этого сыграла коалиция РФ – правительства САР – ИРИ. Готова ли в этом случае ФРГ взять на себя резко возросшую нагрузку не только по поддержанию, но и по обеспечению мира? Положительный ответ на данный вопрос вызывает большие сомнения.

Наибольшую опасность таит угроза слома института государственной власти в Иране, который превратит его в огромный очаг напряжённости, «мост» в дуге нестабильности, протянувшейся от зоны арабо-израильского конфликта (размороженного) до Афганистана. Эти обширные земли вновь, но в несопоставимо больших масштабах, чем это было в 2015-2016 гг., станут источниками неконтролируемой миграции, а также увеличения потенциала и активизации террористических структур для государств-членов ЕС во главе с ФРГ. И в дан-

ном случае актуализируется принципиальный вопрос о способности Германии обеспечивать мир и порядок на БСВ в резко поменявшихся реалиях.

С точки зрения авторов, в случае «выключения» ИРИ как влиятельного игрока из региональной подсистемы Ближнего и Среднего Востока перед ФРГ встанет и ещё один значимый вопрос. Насколько изменится ценность Германии как партнёра для широкого круга региональных игроков (включая КСА и в целом монархии Аравийского полуострова, Израиль и Египет), негативно или как минимум скептически настроенных в отношении Ирана?

Для этой группы стран официальный Берлин интересен не только (и зачастую не столько) как посредник в налаживании их отношений с Ираном, но главным образом как партнёр в политической, экономической и военной (прежде всего, поставщик широкой номенклатуры вооружений, боевой и вспомогательной техники, предметов снабжения) сферах. Следовательно, силовое решение «иранской проблемы» (точнее, антирешение) приведёт, как ни парадоксально покажется на первый взгляд, к снижению заинтересованности в ФРГ как партнёре со стороны группы влиятельных государств Ближнего Востока и, соответственно, учёта германских интересов в регионе.

В контексте значимости для ФРГ мирного урегулирования «иранской проблемы» возникает вопрос: почему Берлин не стремится к активному практическому сотрудничеству с РФ, не менее Германии заинтересованной в достижении той же цели? С точки зрения авторов, проблема заключается в пересечении двух тенденций. Первая – общее ухудшение отношений евроатлантического сообщества в целом и России (с 2014 г.); на ближневосточном направлении оно проявляется в параллельной деятельности двух антитеррористических коалиций: РФ – правительства САР – ИРИ и II западной. Вторая тенденция – претензия ФРГ на роль ведущего игрока в урегулировании «иранского вопроса». В урегулировании сирийского вооружённого конфликта, как в собственной военной, так и политико-дипломатической плоскостях, к 2020 г. роль Германии несопоставимо меньше, чем у стран-участниц «треугольника» Иран – Россия – Турция (прежде всего, у первых двух «вершин»). На афганском направлении администрация Д. Трампа стремится, игнорируя официальный Берлин, выйти на мирные договорённости с местным Талибаном, завершив многолетний вооружённый конфликт. Наконец, на ещё одном крайне значимом (исходя из суммы военных и политико-дипломатических усилий) направлении политики ФРГ в области безопасности – в Мали – урегулирование конфликта далеко от полного завершения.

На этом фоне для демонстрации статуса глобально оперирующей державы ФРГ нужен «свой» крупный дипломатический успех, например, урегулирование «иранского вопроса». Это, во-первых, подтвердило и помножило бы (в имиджевом плане) вклад официального Берлина в заключение СВПД (2015), продемонстрировав особое качество германо-иранских отношений. Во-вторых, Германия фактически выступила бы медиатором в конфликте группы ближневосточных

государств и США с Ираном, т.е. поднялась бы выше администрации Д. Трампа, тем нивелировав её успехи в переговорах с Талибаном. В-третьих, сблизившись с Ираном, официальный Берлин преследует латентную цель по его отрыву от России, ослабляя укрепившиеся позиции РФ на Ближнем и Среднем Востоке.

Следует подчеркнуть, что все эти дивиденды – как и в целом возможности двустороннего сотрудничества с ИРИ – пока носят характер потенциальных, и с высокой долей вероятности останутся таковыми. С одной стороны, действуя в составе ЕЗ, ФРГ на иранском направлении, по сути, конкурирует с США. С другой стороны, наличествуют чёткие пределы (и в политико-военной, и в экономической сфере) солидарности с партнёрами по НАТО и ЕС, перейти которые официальный Берлин не готов. Иллюстрацией тому стали спад в торгово-промышленном обмене после введения санкций США и обвинение Ирана в нападении на НПЗ Саудовской Аравии в сентябре 2019 г.

В 2010-е гг. наблюдается тенденция к неуклонному возрастанию абсолютного значения и удельного веса «иранского фактора» во внешней политике ФРГ. Ключевая причина этого объективна: динамично усиливающаяся мощь Ирана и, соответственно, необходимость учёта этого обстоятельства для сохранения (а тем более упрочения) расшатанных политико-военных позиций самой Германии на Ближнем и Среднем Востоке. При этом по многим направлениям (урегулирование вооружённых конфликтов в Ливане, Сирии, Ираке, Йемене; двусторонние отношения с КСА и в целом монархиями Персидского залива) «иранский фактор» оказывает сдерживающее и даже стеснительное влияние на действия ФРГ, заставляя де-факто корректировать существовавшие приоритеты и временно ослаблять традиционные связи.

К какому результату будет стремиться Германия на иранском направлении? По убеждению авторов, это существенно расширенная формула 2015 г. В дополнение к сохранению СВПД и взаимовыгодному росту торгово-экономического сотрудничества эта формула включает:

- сведение к минимуму угрозы военного конфликта в отношении Ирана (что проявилось в ходе инцидента с убийством генерала К. Сулеймани 3 января 2020 г.);

- в обмен на это чёткое лимитирование с учётом германских интересов пределов роста влияния Ирана на территории Ливана, Сирии, Ирака и Йемена.

Представляется возможным снизить градус напряжённости в отношениях ИРИ с КСА и Израилем, сведя к минимуму вероятность их военного столкновения, но ликвидировать эволюционным путём их антагонизм крайне маловероятно. Как ни парадоксально, объективно ФРГ в том и не заинтересована. Лимитированная борьба с Саудовской Аравией и Израилем будет обуславливать растущий интерес Ирана к развитию многовекторной кооперации с Германией как с влиятельным внешним партнёром (это происходило в 2014-2017 гг.), от-

крывая Германию потенциал для укрепления своих частично утраченных позиций на Ближнем и Среднем Востоке.

Об авторах:

Велихан Салманханович Мирзеханов – доктор исторических наук, заместитель директора, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Ленинский проспект 32А, 119334; заведующий Отделом Азии и Африки, ИНИ-ОН РАН, Москва, Нахимовский проспект 51/21, 117418. E-mail: lum62@yandex.ru

Филипп Олегович Трунов – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, ИНИОН РАН, Москва, Нахимовский проспект 51/21, 117418. E-mail: 1trunov@mail.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: March 26, 2020
Accepted: April 7, 2020

Germany-Iran Relations in Political-Military Sphere: The Impossible Unlocking of Potential?

Mirzekhanov S. Velikhan, Ph.O. Trunov
DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-186-204

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The article explores the current relations between Germany and Iran in political-military sphere. Both countries belong to the category of emerging powers (the Germany is perhaps the single emerging power among Euro-Atlantic states). Outlining the contours of bilateral relations, the authors underline the presence of imperial historical code in each country, the growing internal political problems (dwindling authority of the ruling elites) and mutual interest in deepening trade-industrial partnership with Germany becoming a technological modernizer of Iranian economy.

The authors show that Iranian factor has a growing impact over German policy in the Near East and the Middle East, especially in Lebanese, Syrian, Iraqi and Yemeni armed conflicts. In the first three cases Germany tries to limit the scale, the character (non-combatant capabilities), geographic area (not in deep regions) of the Bundeswehr usage. One of the key reasons of it is that Germany avoids being drawn into action against the Iranian troops or its junior allies («Hezbollah» in Lebanon, Shia combatants in Southern Iraq). Germany also recognizes that ignoring Iranian interests in each of these cases will make it difficult to maintain its political-military presence in the region. Because of the Yemen conflict with active participation of Saudi Arabia Germany has imposed arms embargo for the Kingdom.

Germany attempted to keep the Iranian nuclear deal after Trump's administration withdrawal from the agreement. The authors try to estimate the probable position of Germany towards possible military-political crisis in the region involving Iran and especially towards a potential US war against Iran.

What result will Germany strive for in the Iranian direction? According to the authors, this is a significantly expanded formula of 2015. In addition to maintaining the JCPOA and mutually beneficial growth in trade and economic cooperation, this formula includes:

- minimizing the threat of a military conflict against Iran (which has become especially important after the assassination of General Qasem Soleimani on January 3, 2020);
- in exchange for this clear limitation of Iran's influence in Lebanon, Syria, Iraq and Yemen.

Key words: Germany, Iran, Joint Comprehensive Plan of Action, Armed conflicts, Syria, Near East

About the authors:

Mirzekhanov S. Velikhan – ScD (Historical Sciences), Deputy Director, Institute of World History RAS, Moscow, Leninskiy prospect 32A, 119334; Head of the Department Asia and Africa, INION RAS, Moscow, Nachimovskiy prospect, 51/21, 117418. E-mail: lum62@yandex.ru

Philipp O. Trunov – PhD (Political Sciences), Senior Researcher, INION RAS, Moscow, Nachimovskiy prospect, 51/21, 117418. E-mail: 1trunov@mail.ru

Conflict of Interests: The authors declare absence of conflict of interests.

References:

- Azizi H. 2020. Iran's Multi-Faceted Strategy in Deir ez-Zor. *SWP Comments*. March. № 15. 4 p.
- Arnold Y., Meier O. 2019. Die Proliferation von Mittelstreckenwaffen. *SWP. Forschungsgruppe Sicherheitspolitik*. Juli. №2. 4 p.
- Brustlein C., Dobbins J., Kaye D.D., Meier O., Overhaus M., Quilliam N., Ries Ch., Schmid D., Vakal S., Zamuirad A. 2018. Saving Transatlantic Cooperation and Iran Nuclear Deal. *SWP Comments*. February. №9. 4 p.
- Leemhuis R. 2018. Iran's Destructive Regional Policy. *Federal Academy of Security Policy. Security Policy Working Paper*. №27. 5 p.
- Lohmann S. 2015. Zwang zur Zusammenarbeit. *SWP-Aktuell*. Juni. №54. 8 p.
- Murciano G. 2017. Israel vis-à-vis Iran in Syria: The Perils of Active Containment. *Stiftung Wissenschaft und Politik. SWP Comments*. October. №41. 8 p.
- Perthers V. 2019. Eine Chance für die Diplomatie. *Handelsblatt*. 12-14. Juli. №132.
- Schaller Ch. 2019. «America First» – Wie Präsident Trump das Völkerrecht strapaziert. *Stiftung Wissenschaft und Politik. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. SWP-Studie 27*. Dezember. 38 s.
- Schirm St.A. 2010. Leaders in Need of Followers: Emerging powers in Global Governance. *European Journal of International Relations*. 2(16). P. 197-221.
- Wimmen H. 2016. Lebanon's State of Erosion. *Stiftung Wissenschaft und Politik. SWP Comments*. October. №46. 8 p.